

Марина
СТЕПНОВА

—•••—
СТРАННЫЕ
ЖЕНЩИНЫ
—•••—

Марина
Степнова

ГДЕ-ТО
ПОД ГРОССЕТО
Рассказы

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

Издательство
АСТ
Москва

УДК 821.161.1-32

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

С79

Художник Владимир Мачинский

Издательство благодарит литературное агентство

“Banke, Goumen & Smirnova” за содействие в приобретении прав

Степнова, Марина Львовна.

С79 Где-то под Гроссето : рассказы / Марина Степнова. — Москва :
Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2021. — 285, [3] с. —
(Марина Степнова: странные женщины).

ISBN 978-5-17-127447-4

Марина Степнова — лауреат премии “Большая книга”, автор романов
“Сад”, “Женщины Лазаря”, “Хирург” и “Безбожный переулоч”.

В сборнике “Где-то под Гроссето” — истории о людях, которых не при-
нято замечать, да и они сами, кажется, изо всех сил стараются остаться
невидимками. Но их “маленькие трагедии” и “большие надежды”
скрывают сильные чувства: любовь, боль, одиночество, страх смерти
и радость жизни. Всё то, что и делает нас людьми.

УДК 821.161.1-32

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-127447-4

© Степнова М.Л.

© ООО “Издательство АСТ”

Содержание

Тудой

7

Письма Диккенсу

23

Боярышник

42

Бедная Антуанетточка

57

Романс

78

Старая сука

107

Татина Татитеевна

141

Варенье из каки

154

Дядя-цирк

164

Где-то под Гроссето

183

Там, внутри

206

Покорми, пожалуйста, Гитлера

225

Милая моя Туся

266

Тудой

Она говорила — тудой, сядой.
Поставь платочек на голову, простудишься.
Тут все так говорили.
Странное место.

После крошечного гарнизонного городка на Южном Урале всё казалось диким — школа в самом центре, рядом с оперным театром, сам оперный театр. Розы на улице. Огромные, лохматые, как спросонья. Абрикосы тоже на улице — и никто не рвет. Переспелые, шлепались прямо на тротуар — шерстяные оранжевые бомбы. С мякотью. Поначалу он не выдерживал, просто не выдерживал — набивал сперва полный рот, потом — полные карманы, неторопливые прохожие косились удивленно. Зачем рвать жерделу, мальчик, если на базаре за тридцать копеек можно купить отличную, просто отличную абрикосу? Лучше всех были ананасные — полу-

прозрачные, длинные, в зябкую крупную родинку. Действительно пахли ананасами, хоть и абрикосы. За такие, правда, просили копеек шестьдесят. Ведро вишни — пять рублей. Кило помидоров — пять копеек. Роза, почти черная, — тоже пять копеек. За штуку. Но это если маленькая, на невысоком тонком стебле.

Охапкой — в ведре.

Немыслимо!

Они бродили по базару, взявшись за руки, бездумные, счастливые, маленькие, как в раю. Пробовали всё подряд, тянули в рот мед, персики, груши, незнакомые слова. Она поучала, важничая. Переводила ему с райского на русский. Моале — это был мягкий сыр, белый, на вид совсем как творог, но пресный. Кушать надо с помидорами и с солью. Тут все говорили — кушать. Мэй, посторонись, ты что, не видишь — тут дети. Кушайте, кушайте, ребятки. Брынза — наоборот, соленая, твердая. Пористая, как котелец. Еще одно слово. Тут всё строили из котельца. Рафинадно-белый городок. А ему казалось — не из сахара, а из брынзы. Коровья была вкусная, а вот овечья далеко и густо пахла рвотой. Буэ-э. Гадость. Он так и не рискнул попробовать. Синими называли баклажаны, красными — помидоры. Даже не так — синенькие и красненькие. Тебе синеньких положить? Буро-серо-зеленая масса на тарелке. Печеные перцы. Уксус. Сливовое повидло, сваренное в тазу прямо во дворе. С дымком.

Она говорила — повидла.

Повидлу хочешь?

Белый хлеб, сливочное масло, горячее сливовое повидло, сверху — грецкие орехи.

Слопать ломоть — и айда сайгачить по магале.

Еще одно слово.

Магала.

Россыпь карточных почти домишек, печное отопление, сваленный как попало человеческий сор, драный рубероид, саманные стены — крупный, спелый замес соломы, глины и говна. Хижины дяди Тома. Тенистые дворики заросли бусуйком. Мелкий синий виноград, курчавый, бросовый, душистый, вино из него давили прямо ногами, переливали, живое, багровое, в пятилитровые бутылки. Затыкали заботливо кукурузной кочерыжкой. Называется — чоклеж. Нет, не так, чоклеж — это была полая кукурузная солома, звонкие пустотелые былки. Страшное оскорбление, между прочим. За чоклеж можно было и в дюньдель получить. Не говоря уже про муля. Скажешь кому-то, что он — муль, всё, убьют. Она делала круглые глаза, наклонялась близко-близко, так что он видел зеленые крапинки возле зрачков и волосы, светлые и темные вперемешку. Сливочное масло, медовая коврижка, какао с теплым топленным молоком.

Она жила на магале.

А он — в новой девятиэтажке. Сын советского офицера и врача. Гордость страны. Элита. Не белая, конечно, но бледно-бледно-серая прочная кость. Квартину дали быстро — через полгода, до этого —

снимали, мать была недовольна. Еще не хватало, деньги с книжки тратить. Гоняла отца ругаться, добиваться своего. Пойди и скажи, что тебе положено! А то опять раздадут всё своим нацкадрам! Это была первая республика, в которой они служили. Мать волновалась. До этого всё по РСФСР мотались. Все гарнизоны собрали. Есть на свете три дыры — Термез, Кушка и Мары. А теперь вот — получите. Кишинев!

Получили. Двухкомнатную. Набережная, 39, кв. 130. Первый подъезд. Шестой этаж. А им обещали дать свою квартиру, еще когда отец родился. Ее, разумеется, отец. Невысокий, щербатый, с заросшей сизой рожей. Вечно бухой хохотун. Вот уже и Вальке двенадцать лет, и старшой из армии вернулся, а всё ждем.

Валя.

Ее звали Валя.

Валя с магалы.

Тоже две комнаты — каждая метров по восемь. Глиняные полы. Прохладно. Мать, отец, Валя, старший брат, жена старшего брата, ихнее дитё. Так и говорили — ихнее дитё. Он даже не разобрался, мальчик или девочка. Поди разберись, когда так орет. К трем годам поняли, в чем дело, — даун. Да куда уж денешь? Пускай ползает, все-таки нямур. Родня. Через стенку жил такой же кагал нямуров — двоюродных, стоюродных, незнамо какая гуща на киселе. Все орут, ругаются, трясут кулаками, обливаются холодной водой из колонки во дворе. Юг. Магала.

Еще во дворе жили старые евреи, бездетные. Дядя Моисей, слепой на один глаз, скорняк — иголка выскочила из швейной машины, и всё, тютю. Но и с одним глазом кушмы такие шил, что очередь стояла. Из горкома приезжали даже. Шкурки болтались на веревке тут же, во дворе. Каракуль, смушка, смрад. Тетя Мина вынянчила по очереди всех дворовых младенцев — строгая. На базаре ее боялись. Вставала в воскресенье в четыре утра, в пять уже бродила среди прилавков, брала живую курицу, дула ей в попу. И вы за эту куру рубель просите? Не смешите! У нее же ж даже жопка не желтая! Валкий с недосыпа крестьянин хватал несчастную птицу, тоже дул ей в зад — сквозь бледные перья видна была кожа, не то желтая, не то белая — не разберешь. Тетя Мина втолковывала по-молдавски, какая должна быть настоящая, правильная кура, торговалась, пока продавец не уступал вовсе за бесценок, и она уходила, важная, выпив стаканчик вина, связка кур обреченно свисает головой вниз, в кошелке синенькие, красненькие, крепкие гогошары, бледный праж, боршч для замы. Он потом вычитал у Стругацких — боржч. Но нет, не то. Это был именно — боршч, кислый. Травка, которую добавляли в куриную лапшу, жирную, густую. Зама. С похмелья оттягивает — только в путь.

Ели вечером всем двором, на улице. Передавали тарелки, стаканы с вином, сдвигали табуретки, сверху — занозистая доска. Швыряли куски детям, кошкам, щенкам. Магала. Он тоже ел, сидел рядом

с Вале́й, важный. Жевал с закрытым ртом, локти на клеенку не клал, говорил вежливо — спасибо. И — хлеб передайте, пожалуйста. Ва́лина мать кричала через весь стол — вкусно тебе, женишок? Он кивал, стараясь не обижаться на женишка. Вкусно. Валя смеялась, болтала ногами, задевала его горячей коленкой, на правой голени — белый серпик шрама. Стеклом порезалась. Папка спьяну стекло высадил, оно в кроватку и упало. Давно, мне два года еще было. Папка лыбился тут же, будто незнамо какой подвиг совершил. Мэй, винца женишку нацедите! Пусть выпьет. Мужчина он или нет?

Как приедем к слабаку, вино ему разбавляли водой — марганцовка превращалась сперва в кровь, потом — в розовую акварельную воду. Домой он возвращался сытый, сонный, греб по линолеуму пыльными заплетающимися ногами. Отказывался от скучного, пресного ужина — макарон с сосисками. Ни перца, ни вкуса, ни огня. Мама сердилась. Опять таскался неизвестно где! Отец, ну что ты молчишь? Отец поднимал глаза над “Правдой”, подмигивал еле заметно. Пусть себе гуляет. В доме было две “Правды” — мама тоже была коммунист. Заведующая отделением в больнице. Для души читали “Роман-газету”, “Литературку”. Ему выписывали “Костер”. “Вечерний Кишинев” еще ничего был. Можно в руках подержать.

А у Вали никто ничего не читал и не выписывал. Зато у них был телевизор напрокат. Он даже не знал раньше, что такое бывает. Напрокат! Хотел

спросить у матери, но она отмахнулась. Не морочь мне голову. Нормальные люди телевизоры покупают. Напрокат только голытьба берет.

Еще одно слово — голытьба.

До школы было пешком четверть часа. По сонным улицам, почти деревенским, — сады, заборы, цепные псы. Они встречались на углу — Валя выныривала из своей магалы, махала ладошкой, варежкой, шапкой. Шапка была красная, с помпоном. Варежки тоже красные. На каждой — кривая, посеревшая от грязи снежинка. Обратно шли снова вместе — но уже не четверть часа, сколько угодно, болтали без умолку, забредали бог знает куда, в парки, проулки, часами торчали у автоматов с газировкой. С сиропом — три копейки, колючая, горькая — копейка. Самое интересное было — мыть стаканы, вдавливать в специальное жерло, пока не брызнет вода или взрослые не погонят. Они удирали, хохоча, держась за руки, у нее всегда были горячие руки, маленькие, горячие, твердые. Двенадцать лет. Валя. Он просто хотел быть рядом. Всегда. Всегда быть рядом. Или умереть. Больше он ничего не умел. Двенадцать лет.

Мать заметила первая — и попробовала принять меры. Он ведь был отличник, всегда. Не зубрила, просто ясная голова плюс дисциплина. Мать проверяла уроки каждый день, садилась рядом, просматривала все тетради, фиг ошибешься или надуешь — врач. Если чего-то не знала сама, дожидались отца, он приходил поздно, вкусно скрипел

ремнями. Запах казармы, такой родной, медленно вытесняли скучные ароматы главка. Отец делал карьеру, шел в гору, но скучал по своим гарнизонам, по пыльным плацам, бравым крикам, крепким, нацеленным на врага шишкам ракет. Алгебра, говоришь? Сейчас мы ее мигом расщелкаем. Вот сюда смотри, если это так, значит, это — непременно вот так. Хорошо объяснял, спокойно, понятно. Сам отличник боевой и политической.

Судьба.

А Валя была троечница. И магала еще эта. Дурная компания. Там же алкашня одна. Отбросы. Ты что, хочешь, чтобы твой сын сел в четырнадцать лет, да?

Еще одно слово — алкашня.

Отец не хотел, чтобы он сел, поэтому ходил в школу, к директору, поговорил, скромно сияя колодками, чтобы приняли меры. Мальчик станет офицером или врачом. Ему нужно заниматься. Ясная голова. Судьба. Дисциплина. Вы же понимаете? Директор, крупный, львиноголовый старик, получивший первую медаль еще под Сталинградом, понимал. Магала портила ему всю отчетность. Старшего Валиного брата он еле дотянул до восьмого класса и с огромным облегчением выпихнул. Настоящий, полнокровный дебил. Ни ума, ни сердца. Потерпите, скоро выпускные, после этого обстановка сильно изменится. Можно, конечно, перевести вашего в параллельный класс. Отец вспомнил что-то такое далекое, не рассказанное даже жене.

Воронежская область, Бобровский район. Наденька. И отказался. Пусть доучатся вместе.

Их просто рассадили.

Надвигался восьмой класс, рубикон, после которого агнцы, отделенные от козлиц, дошлифовывали свое будущее: учебники по программе первого курса, репетиторы, гонка на аттестатах зрелости. Козлица рассеивались по ПТУ, техникумам, формировали собой будущий обслуживающий персонал. Самые слабые опускались вовсе на дно, кое-кто с шумным криминальным плеском. Элои и морлоки. Выбор предстояло сделать в четырнадцать лет. Без двух лет взрослые люди.

Он тяжело страдал от того, что они теперь сидели не вместе, хотя в утешение его наградили лучшей соседкой из всех возможных. Света Воропаева. Первая ученица класса, первая же, как положено, красавица. Девочка с золотыми волосами, капризная куколка, обеспечивавшая бесперебойные поллюции всей мужской половине 8 "Г". У нее был особый, из Прибалтики привезенный фартук, очень изящный, с большими крыльями из черного вдовьего газа, которые она вечно поправляла ловким передергиванием плечиков. Как дворняга блохастая, честное слово. Он, единственный свободный от морока, видел Воропаеву такой, какая она была на самом деле, — тощая, нескладная, белесая девица с выпуклыми и пустыми, как у котенка, глазами. Золотые локоны, обвившие столько сердец, были двумя жидкими косицами, не